



1. Бабушка, пруд и диван

— Во сколько в субботу? — спросила я.

— М-м-м-м... Секунду... — отозвался Артем и начал что-то быстро печатать в телефоне.

Я скривилась от холодной боли в сердце. Потому что точно знала, что он ответит.

Так и есть:

— Прости, котенок, наверное, не смогу. Бабушка запрягла обои поклеить в маленькой комнате. Там надо диван передвинуть, окна потом помыть. Ну, ты же знаешь мою бабушку.

И он посмотрел на меня светлыми честными глазами.

Бабушку я знала. Благодаря ей у нас и начался роман: прошлым летом ее положили на две недели в больницу, а ключи от квартиры вручили внуку, чтобы поливал цветы и кормил кошку. Свободная квартира для молодого человека в двадцать лет означает, разумеется, две недели абсолютного кутежа и разврата.

Кутежом была пьянка с бывшими одноклассниками в ближайшем лесу, а развратом он назначил меня, попавшую на ту пьянку совершенно случайно.

В тот вечер мы с моей лучшей подружкой Инночкой шли к ней домой, планируя заказать пиццу и погрузиться в сериальный марафон на все выходные. Решили срезать дорогу и прогуляться по парку, благо ночь была теплой, и неожиданно встретили ее старого знакомого с курсов английского. Он-то и зазвал нас присоединиться к куте-

жу. Пиво у ребят было, костер был, отличное настроение, пруд для ночного купания, музыка из переносных колонок — все было. Кроме девушек.

А с нами — были и девушки.

На Артема я запала сразу. Он был такой красивый — просто моя мечта!

С непослушными вихрами темных волос, мощными бицепсами, рвущими рукава футболки, кривой улыбочкой и белым шрамом, рассекающим левую бровь.

Это потом я узнала, что бунтарскую прическу ему делает стилист в элитном салоне, рукава он специально надрезает при покупке футболок, а шрам с детства — ударился о край шкафа в два года.

Но в ту ночь я видела только, как играют отблески костра на его идеально вылепленном торсе, покрытом капельками пота, — он скинул футболку, чтобы доказать, что может подтянуться на ветке дерева над нами не меньше двадцати раз. Подтянулся двадцать пять, а его противник — всего пятнадцать. А потом они подхватили нас с Инночкой на руки и бросились бежать наперегонки вокруг пруда. Я обнимала его за шею, зажмурившись от ужаса, и слушала ровное мерное дыхание.

Артем, конечно, победил. Дотащил меня обратно до костра, собрался вернуть на постеленное в траве покрывало, но вдруг передумал и направился прямо к воде. Зашел почти по пояс в пруд и посмотрел на меня с этой своей кривой улыбочкой:

— Поцелуй или искупаешься.

— Ты что! — возмутилась я. — Я же промокну! И телефон утоплю!

— Не мои проблемы, — заржал он. — Ну, решай. А то у меня руки уже устали.

И в доказательство его слов горячие, твердые как камень плечи, за которые я судорожно цеплялась, вдруг задрожали от напряжения, хотя во время пробежки казались совершенно надежными.

— Поцелуй! — завопила я, когда он сделал вид, что сейчас разожмет руки.

Странно, но во время поцелуя мышцы у него уже не дрожали. Но едва его горячие твердые губы оторвались от моих, он фыркнул и окунулся в воду по шею. Вместе со мной.

— Дурак! Телефон! — Я оттолкнула его и попыталась выбраться на берег, увязая в илистом дне.

Артем легко обогнал меня, помог выбраться на заросший травой обрыв и поцокал языком, глядя на то, как я пытаюсь вытереть телефон промокнутой насквозь футболкой.

— Поехали ко мне, — сказал он. — Такси возьмем, тут близко. Его надо срочно положить в рис, чтобы вода впиталась. И одежду твою высушить, а то простудишься. Мою, кстати, тоже.

Я посмотрела на его наглуую рожу и почему-то согласилась. Мне было девятнадцать, и ни разу в жизни на меня не обращал внимания такой обалденный парень. Моим делом были скучные задроты и унылые ботаники — прыщавые дрыщи в маминых свитерах.

В квартире, пахнувшей валокордином и пылью, с коврами на стенах и полосатыми половичками в коридоре, где в жестяной гулкой коробке и правда нашелся рис, мы трахались как безумные до самого утра на продавленном диване, наспех застеленном крахмальной простыней. По полу разноцветными конфетти разлетались порванные обертки презервативов, на краю ванной развешивались использованные — их, разумеется, надо было забрать с собой.

Успел высохнуть не только телефон, но и джинсы, сброшенные как попало.

Выбрались на улицу мы, окончательно проголодавшись, только следующей ночью. Брили по темным улицам, хохотали и целовались, лапали друг друга в пустом супермаркете. Артем вжимал меня в угол между высоки-

ми холодильниками, заполненными йогуртами и молоком, и терся вставшим членом. Я спряталась за витриной с мороженым, дернула вниз молнию и облизала его по всей длине.

Он чуть не трахнул меня там же, усадив на холодильник с овощной смесью, но в конце прохода появился охранник, которому надоело это все наблюдать на черно-белых камерах. То ли прогнать хотел, то ли посмотреть вживую — черт его знает.

Следующие две недели мы провели в бабушкиной квартире — в основном голые.

Я влюбилась в него до одури, хоть и видела все его недостатки.

Ему нравилось со мной в постели, но, когда бабушку выписали, встречаться нам стало негде. Да и некогда — он был занят учебой в медицинском, и его гиперконтролирующая мама не обрадовалась бы прогулам.

На меня было выделено всего два дня в неделю. Вечер среды или, как сегодня, совместный завтрак утром четверга — иногда с ночью между ними, если было где остаться. И ночь с субботы на воскресенье. Тут «горячим влюбленным» помогала моя Инночка — ее родители неизменно уезжали на выходные на дачу, даже зимой, и она разрешала нам занимать гостиную с широким диваном.

Прошел почти год. Моя любовь стала только сильнее.

А он... Он, кажется, все больше скучал. По выходным мы теперь часто зависали на вечеринках почти до утра. Конечно, с неизбежным финалом в постели, но проводить время только вдвоем ему было не так интересно, как раньше.

Все реже болтали в промежутках между встречами. Он отговаривался тем, что надо заниматься, но в чатах это ему сидеть не мешало. Когда я как-то обиженно сказала ему об этом, он сменил чаты на те, о которых я не знала.

И вот сегодня он впервые отказался от нашей субботней встречи.

— Да, конечно... Бабушка — это святое, — кивнула я. — А в воскресенье тоже не сможешь?

Я знала, что так будет, но все равно было до одури обидно. Даже зная, почему он мне врет, я хотела увидеть его в выходные. Вдохнуть запах кожи, прижаться к горячему телу, замурлыкать, когда его язык начнет свое сладкое путешествие по изгибам моей ушной раковины, заснуть, спрятавшись за его широкой спиной.

— Не знаю. Как пойдет, — отмахнулся Артем, снова утыкаясь в телефон. — Я тебе напишу.

— Угу.

Я тоже залезла в свой телефон.

Там уже висело сообщение от Артема: «Ну что, я тебя встречаю в субботу у кинотеатра? Смотри, не забудь надеть свои чулочки, которые ты мне так опрометчиво пообещала».

Только писал он это не мне.

Точнее, мне, но...

Когда я поняла, что он общается в тех чатах, где точно нет меня, я завела второй аккаунт, взяла себе имя Стервелла, как у злобной тетки из «101 далматинца», и тоже туда пришла.

Именно ей Артем обещал жаркое свидание.

Не зная, кто скрывается за аватаркой с Эммой Стоун из будущего диснеевского ремейка фильма. Не догадываясь, что это я.

Слезы текли по щекам сами.

Если подумать — он ведь мне еще даже не изменил.

Стервелла с легкостью отбила его у остальных хищниц в чате.

Завлекла, очаровала. Заставила умолять о свидании.

Пожаловалась, что свободна только по субботам.

Втайне я надеялась, что он не зайдет так далеко, не изменит нашу единственную ночь в неделю.

Но он зашел.

Считается ли изменой, если он собирается изменять мне со мной же?

2. Стервелла

«В субботу? — ответила Стервелла в чате и добавила очень удивленный смайлик. — Разве ты сможешь в субботу? А как же бабушка? Обои? Диван подвинуть?»

Сердце грохотало в ушах, горло сжималось от сдерживаемых рыданий, но я улыбалась, глядя, как меняются выражения на лице Артема. Одно за другим:

Непонимание.

Осознание.

Шок.

Ярость.

Злое спокойствие.

Он отложил телефон в сторону и посмотрел на меня:

— Ну молодец, котенок, молодец. Обыграла.

Кривая улыбка коверкала черты лица.

Если закрыть ладонью его левую сторону, оставив ту половину, что с улыбкой, Артем будет выглядеть как невероятно обаятельный дружелюбный парень, который вот-вот подхватит меня на руки и закружит, заливаясь веселым смехом: «Попалась, дурочка! Я знал, что это ты!»

А если правую, оставив улыбающуюся половину спрятанной, — то как хладнокровный маньяк с очень опасным огоньком в глазах. Предсказать, как он отреагирует на то, что я сделала, невозможно.

Настоящий Артем — смесь этих двух половин. Я никогда не знала, как он отреагирует сегодня.

Сейчас мне было страшно, как никогда в жизни.

— Артем...

— Нет, ты молодец... — он принужденно рассмеялся. — Иди сюда.

Он похлопал по дивану рядом с собой. Я подхватила рюкзак, телефон, кофту и перебралась к нему, сразу обняла, прижалась.

— Не делай так больше, — попросила тихо. — Я тебя люблю, мне больно.

— Котеночек, ну это ведь ты и была? Разве кто-то еще знает меня так хорошо? — он потрепал меня по щеке.

— Но ты с ней флиртовал!

— Слушай, я со всеми флиртовал, это ничего не значит. Это просто чатик в интернете, там так принято. Ты первая перешла к намекам пожестче. Разве я когда-нибудь мог перед тобой устоять?

Холодный твердый камень, застрявший в сердце, никуда не делся, но облегчение разливалось по венам горячим молоком.

Он меня любит, любит же?

— Артем, я тебе надоела? — жалобно спросила я. — Может, тогда бросишь меня?

— Даже не думай, котеночек. — Он обнял меня крепкой ладонью за шею и притянул к себе, чтобы поцеловать — смачно и громко. — Куда я без тебя?

Поверить хотелось так сильно, что я зажмурилась и бросилась с головой в этот омут.

— Так, значит, в субботу...

— Конечно. У кинотеатра. В чулочках! — хохотнул Артем. — Пойдем в бильярд играть, я тебя научу. Тебе понравится...

Глаза его потемнели, и я задохнулась, уже представляя, какая горячая ночь меня ждет.

У всех пар бывают такие времена, когда кажется, что чувства прошли и истлели. Просто мы оба немного устали за долгую зиму, но, если бы я была ему не нужна, он бы меня бросил, я сама не раз это предлагала.

3. Неделимая неделя

— Соевый латте с малиновым сиропом для Инны! — Я поставила стаканчик на стойку и улыбнулась подруге. — Надеюсь, вам понравится.

— Но я хотела имбирный сироп! — надула она губы.

— Что ж вы не сказали?

— Надо было догадаться! — Инночка потрясла зонтиком-тростью в воздухе. — Дождь на улице, все нормальные люди пьют имбирный латте!

— Прошу прощения! Наша политика — чтобы покупатели уходили от нас полностью довольными! Сейчас переделаю ваш кофе.

Я отправилась заново делать большой латте — на этот раз с имбирным сиропом.

Больше никого, кроме меня и Инночки, в закутке торгового центра, где пряталась наша маленькая кофейня, не было. Утренняя волна покупателей схлынула, лекции в институтах еще не закончились. Инночка всегда приходила перед парами — выпить кофе и поболтать. Ждала, когда у меня закончится смена, и мы вместе шли на учебу.

Инночка поступила на вечернее, потому что на дневном слишком рано вставать.

Я — потому что конкурс был меньше, плата за обучение ниже и оставалось время для того, чтобы зарабатывать на институт, а в свободное время раскручивать свой ютуб-канал. Конечно, я мечтала, что однажды канал начнет мне приносить достаточно денег, чтобы не торчать полную смену бариста в кофейне, но пока у нас было всего двенадцать тысяч подписчиков.

Мы устроились у единственного окна в этом закутке, выходящего на зеленый садик на заднем дворе торгового центра. Инночка с имбирным латте, я с отвергнутым ею малиновым.

— И что — ты ему поверила? — скептически спросила она. Я с утра написала ей, чем закончился наш завтрак с Артемом, и она примчалась пораньше, чтобы обсудить проблему вживую. — Ярин, это не мое дело, но...

— Прекрати... — Я сморщила нос, в нем щипало от подступивших слез. — Он все правильно сказал. Мне ничего другого не нужно было. Только успокоиться и знать, что мы все равно будем вместе.

— И тебя устраивает, что он тебе изменяет?

— Он мне не изменяет! Теперь и не изменит, будет в каждой девке из чата подозревать подставу.

— Ярин, я тебя не понимаю... — Она качнула головой, слизывая взбитые сливки с длинной ложечки.

— Конечно не понимаешь... — я опять почувствовала, как свербит в носу, и быстро отхлебнула кофе. — Ты никогда не любила. Ты не знаешь, как это — существовать только рядом с ним.

— Ну объясни мне! Журналист ты или где?

Я вздохнула. Журналист. Но нас учат, что журналист должен наблюдать со стороны, а не участвовать. Он не должен вмешиваться. Изнутри не расскажешь историю так, чтобы все прониклись, запутаешься в деталях, расплачешься сама вместо того, чтобы заставить плакать всех остальных...

— Не знаю, Ин... Это какая-то неделимая неделя. Она всегда начинается в субботу вечером. Мы встречаемся, что-то пьем, где-то танцуем, потом едем ночевать к тебе, и это те часы, которые я даже не помню. Абсолютное сияющее счастье. Зато утром у Артема звонит телефон, он смотрит на меня грустными глазами и говорит: «Прости, котенок», и я провожаю его до остановки и ухожу не оглядываясь. И улыбаюсь. Еще час или два улыбаюсь, пока меня не скручивает от невыносимой боли. Потом я называю это: «Я немного скучала по тебе, радость моя».

Я судорожно вдохнула, чтобы загнать слезы внутрь. Самая острая тоска всегда сразу после счастья, потом немного привыкаешь к боли, уже полегче. За толстым стеклом весенний дождь немо барабанил по новеньким, свежевывлупившимся листьям. Вот пусть дождь плачет, а я потерплю.

— В понедельник он часто звонит мне ночью, и я сбегая на холодную кухню, закрываю плотно дверь и сижу там, подобрав ноги, засыпающая, но счастливая. Просто смотрю, как он занимается своими делами, попутно рассказывая о своих проблемах, и не могу закончить разговор. Хочется поцеловать его, обнять, напомнить, что я всегда

рядом, что помогу, что люблю его... Но это невозможно, и я плачу в ванной, включив воду, чтобы не разбудить родителей.

Во вторник я прощаю его за вчерашние слезы, а он вдруг шлет мне голосовое прямо посреди дня, когда у меня ни секунды свободной, чтобы послушать. Но я выскакиваю в туалет, и на записи только шум метро и болтовня, а потом он так небрежно: «Я просто подумал, что давно не говорил, что люблю тебя». И все. И я переслушиваю его пять раз вместе со всем шумом, ради этих слов. В среду мы встречаемся, и я снова живу рядом с ним, а в четверг мечусь по квартире, ломая ногти, но ничего не могу с этим сделать — в следующий раз я увижу его только в субботу...

— Ярин... — Инночка сочувственно накрыла мою руку, но я отдернула ее, чтобы вытереть все-таки пролившиеся слезы.

— И понимаешь — между средой и субботой, между субботой и средой ничего не вклинить. Я пыталась не встречаться с ним в очередную среду, но, когда он мне звонит и спрашивает: «Ты хочешь меня видеть?» — губы сами выговаривают: «Да!» Мне его мало! Я счастлива, только просыпаясь рядом с ним по утрам. Все остальные пять дней я ишу его теплое плечо рядом в полусне, не нахожу и...

Сегодня четверг.

— Ярин, но это же ненормально уже, — Инночка придвинула ко мне свой кофе, его я тоже выпила — холодный, одним глотком, и попыталась высморкаться в салфетку и вытереть слезы одновременно. — Нельзя так на мужиках циклиться, они же чувствуют и борзеют.

— Это не какой-то мужик, это мой Артем... Он обалденный, он... просто мечта, у меня такого никогда не было и уже не будет.

Инночка вздохнула. Некоторые вещи ей действительно было сложно понять — за ней бегала вся мужская часть журфака, но ее не интересовало вообще ничего — ни цветы,

ни подарки, ни приглашения на редкие концерты и VIP-вечеринки.

— Ну попробуй как-то переключиться. Разнообразить. Сходи на свидание с кем-нибудь другим.

— Не хочу! — всхлипнула я. — Зачем мне другие?

— Чтобы вспомнить, что на одном твоём Артеме мир не заканчивается! — рассердилась она. — Он же видит, что ты ради него на все готова. Конечно, ему становится неинтересно, ему хочется веселья и игры.

— Я не хочу ему изменять...

— И не надо! Просто походи по свиданиям, пофлиртуй. У тебя даже взгляд другой станет, ты изменишься, и он это почувствует.

— Просто на свидание сходить? — недоверчиво спросила я.

Если это вернет интерес Артема, я смогу.

Я вообще на все готова, чтобы спасти наши отношения.

4. Пашка и сайты знакомств

— Всем привет, с вами Солнечная Кошка, и сегодня я расскажу вам, какие породы кошек самые умные!

На экране ноутбука я повела нарисованными розовыми ушками и махнула пушистым хвостиком.

— Лапку лизни! — посоветовал Пашка.

Я высунула язык и сделала вид, что облизываю тыльную сторону ладони. На экране на моих щеках тут же расцвел румянец, а глаза стали большими и глупыми.

— На десятом месте, вы не поверите, обычная сибирская кошка! — Я поймала огромного мехового зверя, которого Пашка кинул мне в руки, и показала его в камеру.

Сибирский кот Одиссей сощурил зеленые глаза и с глубоким наслаждением на всю длину воткнул когти в мое предплечье.

— АААААА! — Я тут же выпустила Одиссея и рассказала ему, как он от своей матери произошел, как она произошла